

О. А. Прудникова

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А. А. ФАДЕЕВА

8 сентября 2021 года минуло 80 лет с начала блокады Ленинграда и самой страшной зимы, которую ленинградцы ценой собственных жизней смогли пережить. Несмотря на тяжёлые условия, город продолжил бороться, мастера культуры продолжали творить. Судьбы многих известных писателей того времени пересеклись в этом городе: Ольги Берггольц, Николая Тихонова, Татьяны Гнедич, Александра Фадеева. Александр Фадеев пробыл в блокадном городе всего несколько месяцев, но впечатления весны-лета 1942 года навсегда остались в сердце писателя.

Он родился в 1901 году в селе Кимры (г. Тверь) в семье потомственных революционеров [1, с. 12–13]. С 7 лет жил в Приморье, этот край считал своей родиной и всё время стремился вернуться сюда. Участвовал в партизанском движении в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке на стороне красных и занимался литературной деятельностью. Принимал участие в создании и был секретарём Союза писателей СССР [1, с. 358]. Как и многие деятели культуры, участвовал в Великой Отечественной войне в качестве военного корреспондента и писателя. Фадеев во время войны даже не думал об эвакуации: он выступал на митингах, продолжал работать на посту главы Союза писателей, писал статьи во многие газеты. В 1942 году по поручению Ленинградского горкома и согласованию с ЦК ВКП(б) он отправился в блокадный Ленинград для сбора материала для книги о самом городе. В письме к своей матери от 9 августа 1942 года Фадеев упомянул, что «много ездил по Ленинградскому фронту», много бывал и на Балтийском флоте [8, с. 131]. Александр Фадеев пробыл в городе с апреля по июнь и за это время написал правдивые очерки о жизни ленинградцев в этот период [5, с. 331].

В 1943 году произведение «Ленинград в дни блокады» было сдано в издательство «Советский писатель», а уже в январе 1944-го книга вышла в свет [5, с. 240].

«Ленинград в дни блокады» — это подлинная хроника жизни города и людей в период, когда страшная зима 1941 года была уже позади, но окончательная победа ещё не наступила. Очерки Фадеева тесно перекликаются с дневниками очевидцев того времени, что лишь доказывает мастерство писателя в отражении событий без прикрас.

В своих очерках Фадеев показывал, как проходила жизнь в городе после страшной зимы 1941 года. Первая блокадная зима выдалась тяжёлым испытанием для всего Ленинграда. Голод, холод, обстрелы — всё это сопровождало ленинградцев в этот период. В дневнике старшего бухгалтера Н. П. Горшкова эти дни описывались так: «Зима нынче очень и очень суровая. <...> Печальную грустную картину представляет наш когда-то славный и красивый, но всегда любимый город Ленинград. Все мертво. Голодающее и холодное население героически выносит невероятные переживания всевозможных лишений» [4, с. 61–62]. В городе отсутствовал свет, водопровод был не исправен. «Трамваи уже не стали ходить. Воды не было. Света не было. В страшном состоянии были люди: они не могли ходить, не могли даже выносить ведра с грязной водой...» — рассказывает Е. М. Никитина, учительница [Цит. по: 2, с. 55]. Фадеев полностью подтверждал слова очевидцев: «Весь город стоял без света, обледеневший. Трамвай не ходил. Водопровод и канализация не действовали. Улицы поросли толстой, в метр толщиной, ледяной корой, были завалены снегом и отбросами» [7, с. 4]. Однако в апреле 1942 года этот город был совсем другим, точнее, таким же, «каким я много раз видел его до войны» [7, с. 6]. Приехав в город, писатель не увидел следов разрушений зимней блокады, хотя город обстреливали. Фадеев даёт ответ на этот вопрос со слов рабочего-грузчика, который рассказал, как жители Ленинграда сами очистили свой город: «Никто из людей не верил, что это можно убрать. А как стало пригревать солнце, навалились все, как один. И кого только не было на улицах! И домашние хозяйки, и школьники, и учёные-профессора, и доктора, и музыканты, старики и старухи», — рассказывал рабочий [7, с. 7]. Эта информация подтверждается дневниками блокадников. Например, в дневнике Н. П. Горшкова, в записи от 15 марта 1942 года, сказано: «Сегодня на всех почти улицах производится воскресник по уборке льда и снега. Бригады, вооружённые ломami, лопатами и кирками, скалывают лёд и сгребают снег, другие отвозят на саночках в кучи и на пустыри» [4, с. 87]. Город постепенно оживал. Начал работу трамвай. Фадеев со слов очевидцев записал это так: «Это было такое чудо, что люди со всего города сбежались его смотреть. Некоторые плакали. И в первый день все уступали друг другу дорогу и даже уступали места в трамвае. Теперь, слава богу, на трамвайных остановках уже давка, все уже ругаются по-прежнему, и это первый признак, что люди оживают» [7, с. 16–17]. В городе появлялись афиши концертов, музыкальных комедий. На улицах уже играли дети. В дневниках блокадников схоже описывались эти весенние дни. А. Г. Берман

писала 17 апреля 1942 года так: «Город совсем весенний... У ворот играют дети, те, что уцелели. Женщины дежурят у своих ворот, читают, вяжут, переговариваются. Большое солнце. Весна в разгаре. Все залито ярким светом. Радио разносит по городу веселые песни, вальсы, арии из оперы» [6, с. 112].

Казалось бы, город уже ожил и опомнился после страшного времени, но это было не так. Александр Фадеев писал: «Ленинградская толпа этого первого дня моего пребывания в городе не была яркой весенней уличной толпой. Несмотря на солнечный день, было ещё прохладно, да, видно, в ленинградцах ещё жива была память о зимних холодах, холод гнезвился в их костях. Люди ходили в осенних пальто, а многие, особенно из старых людей, еще в зимних шубах и шапках» [7, с. 19].

Однако время шло, и летом город было не узнать. Городская жизнь, что пробуждалась весной, летом расцвела в полной мере. Фадеев писал: «Ленинградская улица в июне-июле была яркой, залитой солнцем улицей, полной загорелой молодёжи, нарядных женщин и детского крика <...> Но больше всего можно было узнать ленинградцев по тому, как содержались скверы и сады по всему протяжению проспекта 25 Октября. Они, как до войны, были возделаны не под огороды, а под роскошные цветочные клумбы <...> Звуки радио-музыки или патефонов вырывались на улицы» [7, с. 140, 141]. Люди распахивали небольшие огороды, собирали ягоды, грибы, коренья. Стоит сказать, что снабжение продовольствием в городе к лету намного улучшилось, жители посещали столовые усиленного питания. По карточкам выдавали сухофрукты, хлеб, мясо, мыло. А. Г. Берман писала ещё в мае: «Упала женщина, когда я шла на работу. А потом упал старик. Чья-то мать, чей-то отец. Но жить в Ленинграде стало полегче. Смертность от дистрофии снизилась. Помогла Дорога жизни и забота всей страны о блокадном Ленинграде» [6, с. 113]. Один из июньских дней Б. А. Белов описывал так: «Я ещё не потерял интереса к жизни, к природе. По-прежнему восхищаюсь растительностью парка. Его цветами, деревьями, кустами и птицами... Жаль, что много ходить не могу. Болит нога» [6, с. 64].

«Сейчас в особенности оживление города заметно на каждой мелочи. Незаметно это для постороннего глаза, для глаза, не видевшего Ленинград зимой. Улицы и проспекты совершенно чистые, с шумом и звонками. В садике у театра особенно нарядна публика: женщины с модельными прическами, в изящных туфлях, в изящных платьях всех цветов радуги... Даёт концерты филармония», — писала в дневнике юная Г. Бабинская [Цит. по: 2, с. 185]. Конечно, такая радостная жизнь не была повсеместной в городе, были и

голодные, осунувшиеся люди. Ленинградцы продолжали умирать, противник продолжал свои смертоносные обстрелы. Александр Фадеев отмечал, что «слёзы вымерзли у ленинградцев! Я ни разу не видел ленинградца, плачущего о смерти близкого человека и вообще в тяжёлые минуты жизни» [7, с. 39–40]. Люди привыкали к смерти, ведь она была повсюду: «Смерть в городе стала повседневностью», — писали очевидцы [2, с. 54]. Все понимали, что до победы ещё далеко, некоторые сомневались, что она вообще наступит. Однако именно благодаря ленинградцам, которые стойко выносили все трудности блокады, город смог выстоять и встретить Великую Победу. Именно о таких людях упоминал Фадеев в своей книге.

Писатель создал портреты самых разных ленинградцев: рабочих, матерей, фронтовиков, матросов, детей, воспитательниц, творческой интеллигенции. Мария Константиновна — по профессии создательница кукол. Фадеев отмечал, как от тяжёлой работы изменились ее руки: «Это были всё те же руки, пальцы стали ещё тоньше, но в складках рук и на суставах пальцев отложились неистребимые следы тяжёлой физической работы. За эту зиму ей пришлось выполнять много такого, от чего до войны и блокады были свободны женщины интеллигентного труда» [7, с. 13]. Мария Константиновна, рассказывая о пережитых тяготах, делала акцент на том, что «прежде всего умирали те, кто был слаб характером, кто морально опускался, утрачивал волю к труду и слишком много внимания обращал на желудок <...> Но мы, русские люди, — трёхжильные. О ленинградцах можно сказать, что они выжили назло врагу» [7, с. 14]. В этих словах чувствуется вся сила женщин Ленинграда, которые были своего рода защитницами города и морального духа людей. Сестра А. Фадеева, Татьяна Александровна, проживала в большом доме, многие жители этого здания были эвакуированы, поэтому она вместе с дочкой на руках стала своего рода «главной» по дому. Она была «начальником противовоздушной и противопожарной обороны всего этого здания. <...> дом и двор содержались в абсолютной чистоте. Сестра с гордостью показала мне газету, в которой был ее портрет, портрет домашней хозяйки, объект которой вышел на первое место в районе» [7, с. 44–45].

Воспитательниц детских домов без лишних сомнений можно считать защитницами детского благополучия. Как известно, многие дети в дни блокады стали сиротами. О том, как выглядели дети Ленинграда в это время, сообщали очевидцы. Е. П. Янишевская писала: «Откуда ни возьмись, человек пятнадцать мальчишек в форме ФЗУ. Железными крючками повыдергивали хлеб и убежали... Это были не воры, эти ребята. Они были голодные,

холодные, немые и совершенно, совсем ещё дети, у многих уже не было родных, а ведь работали они у станков» [Цит. по: 2, с. 69–70]. А. М. Буянов, проходя по кладбищу, подметил надпись: «Здесь похоронены дети рабочих 1-й Государственной фабрики им. Урицкого, погибшие от артобстрела 4 апреля 1942 года. Отомстим за невинную кровь фашистским палачам» [6, с. 135]. А. П. Борисов описывал: «Придешь в квартиру — открыта, люди полуживые, некоторые лежат, некоторые бродят, матери умирали, дети оставались живыми. Страшные случаи были» [Цит. по: 2, с. 95]. Сами дети перестали быть детьми. «Я видел лица детей, полные такой взрослой серьезности, видел детские глаза, исполненные такой думы и грусти, что эти лица и эти глаза могут сказать больше, чем все рассказы об ужасах голода», — писал Фадеев [7, с. 50].

К лету таких ситуаций становилось меньше, дети больше играли на улице, меньше голодали. Они в своих играх словно возвращались в детство, не омрачённое войной. Воспитателям приходилось нелегко, они отмечали капризность, замкнутость, тоску у детей, некоторые задирали других ребят, другие закатывали истерики и отказывались учиться, мыться. Но все дети скучали по своим недавно умершим родителям. Воспитатели своими силами старались воспитывать детей, вызвать доверие, справляться с их горем и научить заново жить. Как отмечал писатель, многие из ребят смогли вернуться к нормальной жизни в этих детских домах.

Функционировали школы. Ребята не только продолжали учиться, но и «... потушили десятки тысяч зажигалок, сброшенных с самолетов, они потушили не один пожар в городе, они дежурили морозными ночами на вышках, они носили воду из проруби на Неве, стояли в очередях за хлебом, ловили шпионов и диверсантов», — писал Фадеев [7, с. 61]. О работе школьников в этот период говорили и очевидцы: «Загорелся магазин... Нет, их четыре школьницы было. Так вот четыре школьницы бросились в этот магазин и стали таскать вместе с работниками сахар и еще крупу, что ли. И одновременно одна побежала и доложила, чтобы приезжала, значит, пожарная команда. Так спасли очень много продовольствия, предназначенного для выдачи» [Цит. по: 2, с. 106]. Очень интересны рассуждения самого автора о школе и ребятах как «новом явлении» XX века: «Молодые люди, семнадцатилетнего возраста, особенно девушки, были уже то, что называется в полной форме, некоторые из юношей ещё несли на себе следы лишений. Но это была уже обычная наша молодёжь — цельная, жизнерадостная, пытливая. <...> Нельзя было без волнения слушать, как мои собеседники старшего и

младшего поколений говорили о новом человеке... не подозревая, что они-то и есть живые новые люди, каждый шаг которых в великой Отечественной войне нашего народа освещён светом самых больших мыслей и дел, какие только знало человечество» [7, с. 64–65].

Жизнь рабочих блокадного Ленинграда Фадеев описывал так же без лишних прикрас. Писатель посетил завод имени Кирова (в прошлом Путиловский). Здесь автора поразили стойкость и сила людей. Речь одного из рабочих, записанная Фадеевым, заслуживает внимания: «Народ легко поднимался. Вы спросите — почему? А потому, что кировские рабочие знают, что никогда ни Ленинград, ни завод не будут под немцами и что кого-кого, а уж кировцев обязательно возвернут на родные места. <...> Завод стоял, стоит и будет стоять» [7, с. 77–78]. Завод был «изранен» снарядами противника: «проломленные стены и крыши, вылетевшие стекла, воронки в земле», но рабочие прилагали все усилия, чтобы содержать завод в чистоте и порядке, предприятие продолжало работать и «ковать победу» [7, с. 78]. История молодого бригадира Евстигнеева поразила автора, ведь этот человек «более трёх суток не уходил из цеха, работая над заказом для фронта. Время было голодное, силы начали покидать его» [7, с. 87]. Товарищам по цеху пришлось выгонять юношу чуть ли не силой. В итоге Евстигнеев всё равно продолжал работать на заводе, да так, что его бригада выполнила свой план раньше срока. Работали и женщины. Об одной из них Фадеев записывал: «Не обращая на меня внимания, она брала мину за миной и снова наваливалась всем телом на колесо. Видно, удержать эту мину на вращающемся колесе стоило такого напряжения, что всё тело женщины сотрясилось. Это был тяжёлый мужской труд» [7, с. 84]. Об участии женщин в тяжёлых работах на заводах писали и очевидцы. Случай Вали Морозовой, которой было всего лишь 15 лет, весьма показателен. Она осталась одна, семья умерла, ей помогли устроиться на завод, где она делала детали для снарядных стабилизаторов. Работала девушка всю блокаду.

Работа госпиталей и врачей в период блокады тоже была нелёгкой. В госпиталях лечили людей без воды, электричества. Фадеев описал один из таких пунктов, который после тяжёлой зимы приводили в порядок: «И все, начиная от сиделки и санитары и кончая главным врачом и начальником госпиталя Додзиным, стали своими руками очищать здание от отбросов. Презрев всякую брезгливость, они таскали их ведрами, лоханками, вывозили на тачках. <...> Решительно все работы — плотничьи, столярные, штукатурные, малярные были сделаны руками санитаров, сестер и врачей»

[7, с. 137–138]. После такого упорного труда госпиталь приобрел светлый, ухоженный вид. Многие врачи пытались всеми силами спасти людей: «И вот как-то раз пришла врач, я лежала, и все лежали, потому что мы уже потеряли всякие ощущения от такой жизни. Врач на меня так накричала, сказала, что по квартире мы должны ходить. Ух как она меня ругала! Это все-таки был хороший очень доктор. Она ходила к нам изо дня в день, хотя и не надеялась, что мы выживем» [Цит. по: 2, с. 15–16]. Врач М. М. Ершова описала всю свою тяжёлую работу одной фразой: «Я ходить не могла, но я работала» [Цит. по: 2, с. 25]. Конечно, врачи не могли спасти всех, и не все люди смогли получить помощь. Со слов очевидицы, врач отказала в просьбе накормить ребёнка хоть чем-то, потому что у них самих ничего не было, в итоге ребёнок у женщины умер.

Врачи продолжали лечить, рабочие создавали военную технику, ленинградцы пытались жить, а поэты продолжали писать. О поэтах, работниках радио, редакторах Фадеев также упоминал в своих очерках. Он посетил здание Ленинградского Радиокomiteта, на чердаке которого люди продолжали трудиться, несмотря на сильную бомбёжку. В страшных условиях велась работа: «...девушка в тяжких условиях зимы день за днем, не доедая, не досыпая, коченея за письменным столом, вела свою редакторскую работу», — писал Фадеев [7, с. 35]. Автор в тот же день побывал на творческом вечере, где присутствовали все люди этих профессий. Ольга Берггольц, муза блокадного Ленинграда, читала на вечере стихи и поделилась своими мыслями о жизни в городе с Фадеевым: «Главное было в том, чтобы заставить себя забыть о голоде и работать, работать и поддерживать в твоём товарище этот постоянный огонь работы, который в наших условиях был главной жизненной силой» [Цит. по: 7, с. 38]. Сама Ольга Берггольц об этих событиях писала: «Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы» [Цит. по: 2, с. 72]. Ленинградцы даже смогли организовать оркестр, который работал за еду. В филармонии начали проводить концерты под управлением Элиасберга. Перед самым отъездом из Ленинграда Фадеев смог попасть на симфонический концерт, где играли Шестую симфонию Чайковского. Несмотря на начавшийся обстрел, никто из музыкантов и слушателей не дрогнул. Вся эта картина прочно оставалась в памяти писателя, об этом он писал следующее: «Снова и снова вставали в памяти моей и этот зал Филармонии, и эти лица, и мощные звуки Шестой симфонии Чайковского, восходящие к небу» [7, с. 147].

Жизнь фронтовиков и Балтийского флота также отражены в книге Фадеева. Прибыв на Ленинградский фронт, писатель заинтересовался историей Каги Брауде, одной из лучших пулемётчиц в полку. Группе писателей увидеться с ней не удалось, но им повстречался человек, не менее удивительный, чем эта девушка, — майор Мустафин. Этот человек был скромнен и краток в разговорах, но совершал подвиги: именно он продолжил командовать батальоном в наступлении на мощную оборону противника, хотя его ранили в голову. И Фадеев высказал мысль, что «наша армия всем лучшим, что она совершила и совершит, обязана в первую очередь людям, подобным Мустафину... На этих лишённых всякой позы, простых, скромных, умных людях — людях твёрдой воли, знающих, чего они хотят, умеющих воспитывать других людей, людях — водителях людей, на них стоит наша Красная Армия, их усилиями она победит» [7, с. 130]. Ведь стране нужны не только герои, но и умелые командиры, которые будут вести за собой других людей. Балтийский флот своей артиллерией обеспечивал не только защиту обороны города, но и поддерживал моральный дух Ленинграда. Очевидец записал: «Все мы живем сейчас надеждой, что прижатые к морю немцы будут взяты в плен или уничтожены морской артиллерией Балтийского флота. Как-то даже успокоились. Сегодня весь день прожили этой надеждой, что немцы будут отброшены от Ленинграда!» [Цит. по: 2, с. 236]. Флот защищал город от артобстрелов, торпедные катера уничтожали водный транспорт противника. В. П. Гуманенко, который командовал отрядом таких катеров, смог разгромить вражескую эскадру у острова Эзель, за что получил звание Героя Советского Союза. Фадеев отметил о нём следующее: «Гуманенко — признанный мастер торпедных атак. Он доказал, что катера могут самостоятельно вести бой против численно превосходящих их сил противника, атаковать с предельно коротких дистанций и добиваться точного попадания во вражеские корабли» [7, с. 103].

Однако не все люди отличались такой стойкостью и мужеством, были и случаи воровства хлеба, некоторые продавцы спекулировали. О таких инцидентах упоминала А. Г. Берман в своём дневнике: «Приходится иногда превращаться в следователя и передавать дела прокурору... Ведётся следствие. Мой материал о злоупотреблении ею продкарточками полностью подтверждается. Воровала у голодных ленинградцев крохи хлеба и продуктов для себя и своих родичей, продавала карточки, спекулировала» [6, с. 113]. В записи от 19 июля 1942 года ей же упомянуто: «Появилась в Ленинграде и специальная категория “ухаживатели”. Это люди, которые

берутся ухаживать за соседями, кто на ладан дышат; они выкупают их хлеб, продукты, присваивают львиную долю себе и тем ускоряют смерть того, за кем ухаживают» [6, с. 114]. Но в произведении А. А. Фадеева нет «тёмной стороны» Ленинградской блокады, поскольку не она представляла то самое главное, что было в Ленинграде блокадных дней. Благородных и сильных духом ленинградцев было неизмеримо больше, поэтому город и выстоял. В своей книге о блокадном Ленинграде Александр Фадеев подробно описал жизнь города того времени. После поездки он долго не мог прийти в себя, а воспоминания о Ленинграде 1942 года надолго остались в сердце писателя.

Однако приезд в город и выпуск книги — не единственное, что связало писателя с городом. Александр Фадеев помогал многим писателям и поэтам в Ленинграде. Об этом в своём дневнике писала известная поэтесса Ольга Берггольц, которая утверждала, что Фадеев даже спас её от заключения в 1939 году. Фадеев помог снова, когда поэтесса хлопотала у него с просьбой о помощи по работе отцу: «Фадеев пока что послал телеграммы за своей подписью в Красноярский обком и Минусинский горком — с вызовом отца в Чистополь “на работу” и с просьбой помочь ему, может быть — поможет» [3, с. 106]. Фадеев в целом принимал участие в вопросах перемещения писательских семей, посылал вызовы, устраивал командировки и лично организовывал эвакуацию из Москвы. В г. Чистополе находились такие писатели, как К. А. Тренев, Б. Л. Пастернак, М. В. Исаковский и другие.

Таким образом, блокадный Ленинград стал важной частью жизни и творчества Александра Фадеева. Пробыл писатель в городе немного, но его очерк ярко и чётко отразил все стороны жизни Ленинграда после страшной зимы. Все сведения подтверждались самими очевидцами — блокадниками. Кроме создания правдивого и простого, но душевного описания Ленинграда, Фадеев помогал своим коллегам эвакуироваться. Иначе говоря, пробыв в городе не так много времени, писатель не только успел оставить свой яркий след в литературной истории Ленинграда, но и подарил современникам достоверный и простой в чтении источник о событиях того периода Великой Отечественной войны. Использование его на уроках истории в школе может многое дать детям для понимания подвига ленинградцев в дни блокады.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авченко, В. О. Фадеев / В. Авченко. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 366 с. — (Жизнь замечательных людей).

2. Адамович, А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин. — Москва : Совет. писатель, 1982. — 432 с.

3. Берггольц, О. Победоносное терпенье : письма к родным времён блокады Ленинграда // Лит. обозрение. — 1979. — № 5. — С. 100–112.

4. Блокадные дневники и документы. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2004. — 512 с. — («Архив Большого Дома»).

5. Жуков, И. Фадеев / И. Жуков. — Москва : Молодая гвардия, 1989. — 333 с. — (Жизнь замечательных людей ; вып. 703).

6. Повседневная жизнь осажденного Ленинграда в дневниках очевидцев и документах / [ред. Е. Р. Секачева] ; вступ. ст., коммент. В. М. Давида. — Москва : Кучково поле, 2019. — 669 с.

7. Фадеев, А. А. Ленинград в дни блокады : (из дневника) / А. Фадеев. — Москва : Совет. писатель, 1944. — 148 с.

8. Фадеев, А. А. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 7 : Избранные письма / А. А. Фадеев ; под общ. ред. Е. Ф. Книпович [и др.]. — Москва : Худож. лит., 1971. — 742 с.

Научный руководитель: Сливко Станислав Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).